

Ульяновский концерт

Не будем забывать, какое стояло тогда идеологическое время, какие ветры задували с востока и запада, какие препоны и обстоятельства возникали на пути к признанию. Каравелла «Песняров» стойко и решительно рассекала это бурное море. И вот признание уже пришло — широкое, серьёзное, искреннее.

В начале 70-х заметным событием в культурной жизни стал выход на экраны советского фильма «Мировой парень». Главную роль в остро сюжетной истории сыграл несравненный Николай Олялин. Но не меньшее значение в популярности ленты играло то, что в ней прозвучала песня В. Баснера и М. Матусовского «Берёзовый сок», мгновенно ставшая всенародно известной и любимой.

Наглядным подтверждением этого служит забавная бытовая сценка, произошедшая в родительском доме, в Ундорах¹. На майские праздники у нас собралась компания родственников и друзей моих родителей. Достойно отметив День Победы, они по привычке перешли к застольным песнопениям, что было тогда вполне в духе времени. Стояла погожая вес-

на, и окна деревенской избы были распахнуты. Мы с братом возились в проулке и слышали, как после обязательного репертуара: «Вот кто-то с горочки спустился», «Ой, мороз-мороз!» и «Из-за острова на стрежень...» взрослые надумали исполнить широко распространившийся «Берёзовый сок». Надо сказать, их выбор пал на не такую уж простую в музыкальном отношении мелодию. Но если с мотивом разгулявшиеся взрослые худо-бедно справлялись, то со словами всё обстояло сложнее.

Они никак не могли запомнить целиком и правильно спеть первую же строчку Матусовского «Лишь только подснежник...». Раз за разом у них получалось нелепые вариации вроде «распустится вывьсь» или «распустится вверх». Они понимали ненужную комичность слов в песне гражданского звучания, злились на самих себя и требовали от нас напомнить правильную версию. А потом снова и снова сбивались: авторский вариант «в срок» не желал запоминаться.

Если же говорить серьёзнее, то «Берёзовый сок» стал ещё одной ступенькой к успеху, показал новую

¹ Ундоры — родное село автора, расположенное в Ульяновской области, на Волге.

грань мастерства ансамбля: гражданская нота, прозвучавшая в песне, ещё более расширила диапазон возможностей, а безупречный вокал Леонида Борткевича сделал его авторитет прочнее, тем более, что ему приходилось выдерживать весьма напряжённую конкуренцию.

Вскоре после этого, на следующую зиму, стало известно, что «Песняры» отправляются в грандиозный гастрольный тур по Поволжью. Одно из выступлений было запланировано в Ульяновске, где к 100-летию Ильича был отстроен грандиозный Ленинский мемориал с большим концертным залом столичного класса. Узнав об этом, я вытребовал у родителей деньги на билеты и отправился в кассу с моим одноклассником Шурой Рябовым, так же обнаружившим меломанские замашки.

Билеты были дорогие, рубля по три, но для меня это было делом чести: как не воспользоваться случаем и воочию не увидеть любимую группу! В назначенный день мы отправились на концерт. Была поздняя осень или ранняя весна — теперь уже не вспомнить.

Оказавшись внутри Ленинского мемориала, неожиданно для себя мы испытали чувство неясной тревоги. Прохаживающиеся по фойе

и коридорам люди вполголоса разговаривали о предстоящем концерте и, в мельком брошенных фразах, звучала одна и та же мысль: придут или не придут? Оказывается, в тот день «Песняры» должны были перебраться в Ульяновск из Казани, а это ведь — не ближний свет, дороги в 70-е были ещё те, а погодка стояла не очень. Уже подходило время начала концерта, а двери в зал были наглухо затворены. Тётки в форменных пиджаках, которые обычно продают программки были загадочны и хранили молчание. Но ведь и об отмене никто не говорил...

Потом через скрытые в кулуарах динамики объявили о задержке концерта. Нетерпеливые слушатели поёживались и нервно бродили вокруг запertых дверей. Наверное, в тот вечер буфетчицы в несколько раз перевыполнили план, но мы с Шурой туда не заходили.

И вот по светлым коридорам, как благая весть, просквозил-пролетел долгожданный слух-перемолвка: «Приехали! Приехали! «Песняры» приехали»... Стало веселее, а когда из зала донеслись звуки настраиваемых инструментов, все оживились и сгрудились у дверей. Но те были по-прежнему непроницаемы. Однако ждать, когда артисты уже на месте,

легче и приятнее. Но сколько ждать? Вот вопрос.

Чтобы не мучать догадками, сразу скажу: Мулявин и его команда настраивались два часа! И концерт начался только в девять часов вечера. Когда все заняли свои места и занавес открылся, мы узрели на сцене ансамбль в полном его составе. Они были в народных костюмах, отделанных белорусским орнаментом. Руководитель попросил прощения за вынужденную задержку. Зрители ответили дружными аплодисментами, хотя наверняка кое-кто подумал: «И зачем надо было так долго

возиться с настройкой? Ведь они же профессионалы!» Но — удивительным образом! — мы с Шурой не испытывали никакой досады по поводу задержки. Уже тогда нам было ясно это разделение людей по одну и другую сторону края сцены. Было полное понимание того, что они «мурьжат» нас не из вредности, а лишь потому, что хотят произвести должное, нет — необходимое впечатление. И ещё стало неопровержимо ясно, какой кропотливый, каторжный труд стоит за той невероятной лёгкостью жестов и звуков, воспринимаемых публикой из зрительного зала.

Но когда раздалась первые музыкальные такты, стало очевидно: жалеть время на настройку не стоило. Принято считать, что концертное звучание всегда уступает по качеству студийной записи. С «Песнярами» этот номер не прошёл: их музыка и стройное пение вживую звучали лучше, нежели пластинка или магнитофон: глубже, душевнее, теплее.

Звуки гитар, клавишных, скрипок и духовых были отлажены идеально; микрофоны настроены изумительно: как видно, звукорежиссёр расстарался на славу и свёл звуки от души. Лишь один раз за весь вечер, ближе к началу — мы с Шурой потом обменялись общими наблюдениями — у гитары басиста Леонида Тышко негромко щёлкнул электрический разряд — видимо, проводной контакт был зафиксирован недостаточно прочно. Так в ту же секунду Батька Владимир так грозно зыркнул на того своими глазами из-под нахмуренных бровей (они у него от природы коротковатые, но за счёт выпуклых надбровных дуг казались выразительными и даже густыми), что тот нервно вздрогнул, и потом весь концерт с его лица не сходило виноватое выражение.

Итак, концерт продолжался, лился, тёл, летел, нёсся, как парусник под напором свежего ветра. Я не мог налюбоваться на своих любимцев. Артисты выкладывались по полной, как будто и не было утомительного переезда из Казани в Симбирск, не было напряжённой подготовки зву-

кового совершенства. Одно радовало тем, что «Песняры» оправдывают мои ожидания, другое — новизной, тем, чего я прежде не знал, о чём не догадывался.

С бесконечной симпатией я всматривался в свободные, раздольные движения Мулявина. Он был одновременно и дирижёром, и первой скрипкой, и главным вокалистом, и демиургом всего этого потрясающего действия. Такой же стройной была фигура Леонида Борткевича, который стоял, вытянув руки по швам, слегка подавшись вперёд словно птица, готовящаяся взмыть к небесам. С небрежностью деревенского паренька-балагура держался Анатолий Кашепаров. Как всегда, был строг, сдержан и сосредоточен как английский лорд, немного похожий (быть может, не случайно) на Джона Леннона Владислав Мисевич, неразлучный со своей поперечной флейтой. Так же трепетно выделял свои скрипичные фиоритуры Виктор-Чеслав Поплавский. О Леониде Тышко уже было сказано, стоит добавить, что после мулявинского взгляда к своим обязанностям он относился с безупречным вниманием, а ведь бас-гитара во многом задаёт ритмический настрой всему коллективу, о чём сомневающиеся могут справиться у сведущего в этом вопросе сэра Пола Маккартни. На заднем плане властвовал и царил монументальный Александр Демешко.

Однако всё это было, в общем-то, ожидаемым, «Песняры» оказались

удивительным образом стопроцентно равными самим себе — соответствовали песенному искусству и тому образу, который можно было составить по их фотосессиям и портретам. Но было и нечто совершенно новое, о чём, вероятно, я мог догадываться, но не знал точно, а то и не знал совсем. Например, кто-то поминал о залихвастском свисте Борткевича, но мне было невдомёк, как мастерски он подыгрывает на бубне там, где это требуется, например, в гениальной по изощрённому мелодизму песне Мулявина «Завушницы». Её мы слышали и раньше, но на концерте она прозвучала как откровение.

Кроме того, я не мог догадываться, насколько взаимозаменяемы вокалисты ансамбля. Теперь трудно вспомнить конкретно, но в некоторых песнях, в записи исполняемых одним певцом, на концерте солировал другой, а получалось не только не хуже, но привносило в знакомый хит новые нюансы и краски. Становилось понятно, для чего руководитель подбирал в свою группу вокалистов одного плана: у всех — Борткевича, Кашепарова, самого Мулявина (как позднее и у Валерия Дайнеко и Игоря Пени) были высокие, звонкие, но обладавшие своей собственной тембровой окраской голоса. А ведь голос — это очень тонкий, капризный и хрупкий инструмент. Присутствие в коллективе людей, умеющих в любой момент прийти на замену и не понизить уровень и качество пения, позволяло «Песнярам» преодолевать

любые, возникающие по ходу дела сложности и затруднения. Очевидно, это помогло им с достоинством провести концерт в Ялте в злополучный день, когда не стало брата, Валерия Мулявина...

В антракте ульяновского концерта мы с Шурой, прогуливаясь по шикарным холлам ленинского дворца, обменивались восторженными впечатлениями. Вспомнили про взгляд Мулявина на Тышко, отметили, как «Песняры» стараются облегчить русскому слушателю восприятие белорусских текстов: так, слово из «Олеси» — «жаўранкам» они пропевали почти по-русски: «жаворонком».

Но более всего нас поразила строгая артистическая дисциплина в ансамбле. Чувствовалось, насколько музыканты и певцы вышколены в самом лучшем смысле этого слова. Никто не проявлял ни тени расхлябанности и своеволия. Чуть более вольготно чувствовал себя сам Батька, но и тот не позволял себе лишних или вызывающих телодвижений. Достаточно было взмаха головы, когда его полуседая грива взвивалась в такт музыке. Солисты же выходили к микрофонам ровно в тот момент, когда требовалось их вступление, а по окончании своей партии так же мягко отдалялись на два-три шага вглубь сцены. Для вокально-инструментального, почитай — эстрадного коллектива это было неожиданно: тогдашние ВИА уже начинали позволять себе гораздо большие фокусы с гитарами, прыжки,

вихляния и прочие роковые пируэты. «Песняры» держали себя в руках, но — вот парадокс! — от этого не утрачивали выразительности, а добивались, пожалуй, ещё большего эффекта: своим стильным выступлением белорусы показывали, что в песне главное — музыка. А не внешний антураж.

После перерыва мы с нетерпением ожидали начала второго отделения и вместе с большинством зрителей буквально ахнули, когда увидели, как на затемнённой сцене появились артисты в элегантных белых костюмах со слегка расклешёнными брюками. В их облике уже не было этнического колорита, и это было оправданно, так как в этой части выступления упор был сделан на песни на русском языке. Хотя про родную Беларусь они не забывали и тут.

Началось всё, кажется, с песни Александры Пахмутовой «Белоруссия», а может быть, это был «Берёзовый сок» — слишком много воды с тех пор утекло, а программки на том концерте не продавались. Я думаю, это происходило по той простой причине, что ансамбль по ходу концерта легко варьировал последовательность и названия песен, исходя из настроения коллектива и реакции зала.

Важнее другое: «Песняры» чувствовали себя несколько стеснёнными в рамках национальной фольклорной традиции и обращались к мощному пласту музыки, который довольно пренебрежительно называ-

ли тогда — «песни советских композиторов». И, как оказалось, на этом пути их ожидало не меньшее признание. Принято считать, что все эти сочинения, залитованные и допущенные к исполнению, отличались казённостью, бравурностью и официозом, однако это было не совсем так, или даже — совсем не так. Нужно было просто проявить вкус в отборе репертуара, и вот уже слова Николая Добронравова звучат не как советская агитка, а становятся глубокими, прочувствованными стихами.

Скажу больше. Принимая в работу песни, казалось бы, ангажированные и конъюнктурные (в поэзии такие вещи именовались «паровозами»), Мулявин со товарищи умудрялись вкладывать в них дух и энергетику настоящего, искреннего искусства: так было и с ходульной песней «Мы идём по стране», и с кинематографическим зонгом (нигде более я этого не слышал) — «Улицы без конца», и комсомольско-молодёжными и советско-патриотическими экзерсисами типа «В земле наши корни» Александры Пахмутовой, «Баллады про батьку Миная», «Баллады про Че Гевару» или «Комсомольский билет» на стихи Аркадия Кулешова. Конечно, всем этим сочинениям было далеко до эталонных песен — шедевров «Песняров», но и в них они умудрялись находить свои проникновенные нотки.

Это отчётливо проявилось при их обращении к нехитрой песенке Эдуарда Ханка «Ты — моя надежда» на стихи Виктора Бокова. Казалось

бы, где Боков, и где мулявинцы? Но Борткевич и его друзья сделали из неё (несмотря на простенький текст, однобокость мелодии, отсутствие выразительного припева) такую конфетку, которая, пожалуй, и не снилась её создателям.

Впрочем, к русским песням мы ещё вернёмся, а теперь пора сказать о наиболее сильном и противоречивом впечатлении того вечера. Речь идёт о композиции на слова Юрия Рыбчинского «Крик птицы». Нельзя сказать, что Мулявину удалось подобрать к этому несколько колченогому и аляповатому тексту какую-то особую мелодию. Но слушавшие в тот вечер эту песню испытали вполне психоделические ощущения. Атмосфера неизбыточной грусти, утраты, боли насквозь пронизывала оцепеневший зал, а когда в финале все песняры наперебой засвистели и закричали голосами испуганных или смертельно раненых птиц, то показалось, что пол уходит из-под ног, люстры под потолком дрожат и грозят обрушиться на публику, и, как мне показалось, у всех зрителей мурашки бегали по коже, а волосы шевелились на голове.

Примерно то же самое, но сформулированное в более профессиональных терминах спустя несколько дней я прочёл в рецензии на концерт, опубликованной в областной газете «Ульяновская правда». Там прямо говорилось, что эта песня — край допустимого предела воздействия музыки на аудиторию, дальше, за этой чертой — опасность того, что искус-

ство может оказать серьёзное, неподправимое влияние на человеческую психику и здоровье слушателей.

Пять лет спустя, в студенческой компании я рассказывал одноклассникам о своих юношеских потрясениях, они слушали недоверчиво, но готовы были поверить. А когда у меня появился диск с записью «Крика птицы», я дал друзьям прослушать столь поразившую меня музыку, но это не произвело должного эффекта. Одни пожимали плечами: мол, песня как песня, но не более того; другие — иронизировали над некоторыми несуразностями текста:

Уж если навек не вместе мы,
Так пусть же в жизни хоть раз,
Крылатым будет возмездие,
За ложь обнажённых фраз.

А что я мог на это возразить? Действительно, как я понимал уже тогда, слова не то, чтобы очень. Ходульные, неуклюжие. Но я ведь помнил о тогдашнем своём восприятии — в холодном ночном Ульяновске. Вот уж точно: всему своё время и место.

Подводя итог сказанному, необходимо вспомнить о том состоянии ошеломлённости, в котором мы с Шурой покидали приветливый зал Ленинского мемориала. Подозреваю, что ни до, ни после эти стены не испытывали такого всплеска духовности. Поздно начавшийся концерт закончился ближе к полуночи. «Песняров» долго не отпускали, мучили нескончаемыми аплодисментами, а те раз за разом выходили из-за ку-

лис, брали в руки инструменты и добросовестно исполняли ещё и ещё. Не думаю, что они делали это через силу и из-под палки. Ведь такое единение душ случается не часто, может быть, раз в жизни. Почему-то хочется верить, что та встреча была равным образом прочувствована и артистами. Хотя между собой, вероятно, они ругались на проклятое Поволжье и только и ждали момента, когда можно будет бухнуться в лебяжьи простыни люксовых номеров лучшей в городе гостиницы «Венец»...

А мы с Шурой разъехались на ночёвку по городским родственникам, чудом успев на последние автобусы и трамваи.

Письмо Леониду Борткевичу

Полученная эмоциональная встряска была так сильна, так велики и многообразны размышления и идеи, родившиеся после концерта, что мне было невозможно не поделиться ими с кем-то, кто меня способен понять. Конечно, я мог поговорить с братом, с тем же Шурой Рябовым, но всё это было не то: мне позарез было нужно, чтобы мои мнения и соображения прочитал кто-нибудь из «Песняров».

Какое-то время я терзался, сомневался и мучился, но в какой-то момент меня обуяло знаменитой толстовское «Не могу молчать!» и я взял конверт и вывел на нём не совсем точный, но, как мне показалось, логичный адрес:

БССР, г. Минск, Белорусская государственная филармония,

вокально-инструментальный ансамбль «Песняры».

В графе «Кому» значилось:
Леониду Борткевичу.

Отчества певца в ту пору я не знал и извинялся перед ним за такую форму обращения «в первых строках моего письма», которое я давно продумал, написал и вот теперь вложил в подписанный конверт. Конечно, я отдавал себе отчёт, что эта попытка вступить в непосредственный контакт была наивна и имела мало шансов на реализацию. Об этом тоже было написано в первом абзаце. После извинений за беспокойство там было сказано: «...понимаю, что письмо вряд ли дойдёт, что вы крайне загружены, что получаете мешки подобных посланий, но...». В качестве морального оправдания своей дерзкой эпистолярной выходки был придуман следующий пассаж в том смысле, что вы, мол, мой кумир, а кумирам принято писать письма.

Наутро я смотался в центр села и дрожащими от волнения пальцами опустил своё послание в щель почтового ящика.

Но что же там было написано?

Естественно, что вначале шли похвалы и восторги по адресу всех «Песняров», их ульяновского концерта, самого Борткевича, в частности. Было понятно, что с комплиментами важно не переборщить, и я старался держать свои эмоции в узде, но насколько это удавалось?.. Теперь уже и не вспомнить.

Однако после восторженных слов и оценок следовало, так сказать, конструктивное предложение. Оно вытекало из той ситуации, которая складывалась в мире популярной и роковой музыки. Дело в том, что после колоссального успеха американских рок-опер «Иисус Христос — суперзвезда» Э. Л. Уэббера, «Томми» (The Who), «Стена» (Pink Floyd), «Крыванью, ты мой высокий» (польские «Скальды») многие музыканты задумались о больших формах. Ходили слухи, что в этом направлении двигаются Алексей Рыбников, Александр Градский, Александр Журбин, Валерий Ярушин и его «Ариэль». Мне казалось, что «Песнярам» с их вокальным и музыкальным кладезем возможностей, как никому, сам Бог велел задуматься о чём-то подобном. Тем более, что подступы к масштабным сочинениям ими уже совершались (те же композиции «Александрина», «Завушницы», «Любовь», «Крик птицы», «Перепёлочка») показывали яркий пример талантливого варьирования мелодиями и ритмами).

Но что должно стать литературной основой для крупной, полноформатной работы? Ответ (вернее, посул, предложение) на этот вопрос у меня уже был готов. Дело в том, что незадолго до этого мне посчастливилось прочесть роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», который меня «перепыхал», как Чернышевский Ленина.

«Вот если бы Владимир Георгиевич написал музыку для этого спектакля,

это было бы событие!» — приблизительно в этом смысле писал я тогда Борткевичу. Но не остановился на одной идее, а стал распространяться на счёт того, кто бы мог, на мой взгляд, претендовать на исполнение той или иной партии.

По отношению к нему у меня не было особых сомнений: казалось, роль Иешуа Га-Ноцри буквально создана для него. Мог бы Борткевич, как я думал, параллельно с этим взять на себя и арии Мастера. Кашепаров неплохо виделся в качестве Ивана Бездомного. Самому Мулявину, по моим прикидкам, полагалась роль Понтия Пилата. Женщин в коллективе, как известно, не числилось, но на этот счёт я особо не заморачивался: всегда же, чтобы спеть Маргариту, можно пригласить вокалистку со стороны. Какая певица откажется спеть вместе с уже тогда легендарными «Песнярами»!

Некоторые сомнения были вокруг центральной партии вероятной оперы — Воланда. Связывать её с именем Владимира Мулявина для меня не укладывалось в мозгу. Слишком в положительном ореоле существовал этот великий человек, чтобы подтачивать его к демонической роли, хотя этот персонаж, как и у Гёте, нацеливаясь на зло, творит благодеяния. В том, что эта задача Георгиевичу по плечу, не было сомнений, но... Пусть уж тут он сам решает.

В составе ансамбля пруд-пруди вокалистов и с достаточно низкими голосами: Мисевич, Тышко, Николаев,

Демешко... Но все они не выступали первым номером, ассоциировались скорее с бэк-вокалом, и не факт, что смогли бы воплотить рельефный сценический образ. Дело здесь ведь, собственно, не в силе голоса, а во внутренней творческой интенции и уверенности в собственных силах. Думалось, что они способны лишь к исполнению партий второго плана...

Вот такое, в принципе, получилось письмо. В конце я высказывал робкое желание получить хотя бы краткий ответ и принялся терпеливо ожидать его. Но почта не принесла его... Впоследствии я решил, что ундоровские почтовые тётки, скорее всего, увидев мой конверт решили, что-де Серёжка Казначев уж больно высоко нацелился, и выбросили мою цедулю в мусорное ведро. А жаль: получи я хоть малую весточку от Борткевича, а тем более от Мулявина, да хоть бы от какого-нибудь концертного директора, администратора или пресс-секретаря, если такой был в штате, может быть, вся судьба моя сложилась бы несколько иначе. Это прибавило бы мне уверенности в выбранном пути. Хотя тогда я уже был твёрдо уверен, что буду заниматься писательством.

Получили они моё послание или нет, но позже стало известно, что именно в эти годы Мулявин напряжённо размышлял о новых, крупноформатных формах. Это было неизбежно — по такому пути двигались практически все группы.

Впредь, попыток завести с «Песнярами» более тесные, неформальные отношения я не предпринимал, хотя сталкиваться нос к носу приходилось. Особенно запомнилась встреча с Борткевичем на троллейбусной остановке у здания ТАСС, напротив легендарной «Повторки» («Кинотеатра повторного фильма», закрытого ныне, в наши «просвещённые» времена.

Стояла зима начала 80-х годов. Закончив дворницкую уборку (я занимал тогда комнатку на улице Семашко, ныне — Большой Кисловский переулочек; а подметал участок на улице Герцена, дом 5/7 и внутренний двор, где располагалось Издательство МГУ), я заскочил на планёрку, потом привёл себя в порядок и помчался к 10 часам в Литинститут. Мне поручили обязанности старосты курса, и прогуливать или опаздывать было не к лицу.

Подойдя к уделанному телеэкранами и заиндевевшему фасаду ТАСС, я увидел, что из-за «Повторки» выворачивает троллейбус и решил немного подъехать по Тверскому бульвару.

На остановке моё внимание привлек молодой мужчина в кожаном пальто. Знакомая осанка, рыжеватые кудри, выбивающиеся из-под ондатровой шапки, щегольские усы, простодушное выражение лица!.. Сомнений не оставалось: передо мной — кумир моей юности! Я слышал, что Борткевич учится в ГИТИСе, а театральный институт располагался напротив ЖЭКа, в котором я получал зарплату. Всё сходилось.

Открылись двери троллейбуса, мы друг за другом поднялись на заднюю площадку, стараясь не касаться металла — двери в то время часто довольно чувствительно дёргали током. Я с интересом рассматривал своего попутчика, он тоже взглянул в ответ,

но потом отвёл глаза. Понял ли он, что его узнали, трудно сказать. Скорее всего, да. Но не обозначил это ни единой эмоцией. А потом мне надо было сходить, Борткевич остался и отправился дальше.

Продолжение следует.